
Сухбат Афлатуни

Приют для бездомных кактусов

Рассказ

Они стояли полукругом, как обычно; босиком и чуть по-кошачьи переминаясь на холодной плитке. Плитка была старая и выкрашенная суриком. Краска кое-где слезла, пол стал пятнистым; когда-то на нем лежал стоптанный, но крепкий половик, и стоять по утрам было теплее. Потом половик свернули и унесли, и теперь в переключку они стояли на голом полу, который даже в теплынь оставался ледяным, и после влажной уборки — шершавым и липким. Правда, и теплынь, и уборки случались редко; обычно было холодно и пахло накопленной грязью.

— Петров!

— Здесь, — отзывался Петров, поджав пальцы ног.

Человек за столом что-то писал и называл следующую фамилию. На столе стояла люминесцентная лампа, светившая мертвым светом. От лампы слезились глаза, и у человека за столом тоже, и на утренних переключках он выглядел заплаканным.

Звали его Батя Виталий. По правилам его следовало называть Виталием или Виталием Ильичом, но собственное имя казалось ему чересчур нежным, и отчество тоже. Закончив переключку, он отодвинул стул и отер слезу.

— Сегодня... — говорил он, оставляя широкие пролеты между словами. — У нас... ожидается корреспондент.

Пацанва стояла молча, и только ноги легонько шевелились, точно приплясывали.

— Из городской газеты... Что говорить, если спросит, знаете. Правду. И только правду. Какую... тоже знаете. Что лыбишься, Петров?

Петров мотнул головой и пошевелил потресканными губами.

— Что ты там шепчешь? Громко скажи, чтоб все знали...

— Я не лыблюсь... — поднял голову Петров.

В другое время за такое хамство Петрову светило два дежурства вне очереди, но сегодня делать это не стоило. Нужно предоставить весь контингент, прессе этой. Чтоб она горела.

— Ладно... — Батя Виталий выдохнул. — В общем, вы меня поняли.

— А тапки выдадут? — снова раздался голос. На этот раз возмутителем был не Петров, а стоявший через две головы от него Дорошенко, полутатарин.

Сухбат Афлатуни — поэт, прозаик, критик. Родился в Ташкенте. Окончил философский факультет Ташкентского университета. Автор двух сборников стихов и нескольких книг прозы. Дважды лауреат «Русской Премии» (2005, 2011), лауреат молодежной премии «Триумф» (2006). Постоянный автор «ДН». Живет в Ташкенте.

— Чего? — поднял слезящийся глаз Батя.

— Раньше выдавали.

— Может, тебе еще обувь итальянскую выдать? От производителя.

Шутки у Бати были тяжелые и незабавные, но пацаны на всякий случай захмыкали. Не столько от шутки, сколько предчувствуя, что сейчас отпустят на завтрак, а в столовке полы теплее, не говоря уже о еде.

Их и правда отпустили, и они устремились к двери, толкая друг друга и задевая коленями.

— Петров!

Петров замер. Остальные, легко его оттеснив, проходили мимо.

— Пятнадцать отжиманий.

Петров потерял ледяную пятку о щиколотку другой ноги, наморщил нос и подался на пол. Встав на четвереньки, еще раз поглядел на Батю. Тот собирал бумаги и укладывал в карман ручку.

Петров отжимался, клакая об пол пуговицами. Чтобы придать себе сил, мысленно представлял под собой распластанного Батю Виталия. Воображаемый Батя сопел и просил полегче. «Ну нет, — строго отвечал сверху Петров, — просил пятнадцать... жри пятнадцать... Восемь... Девять...»

Пят... на... дцать!

Петров осел, уткнувшись подбородком в плитку. Поглядел на Батю: вдруг почувствовал?

Батя погасил лампу и толкнул Петрова носком:

— Что разлегся? Завтракать!

Кормили их по инерции нормально. Каша с лужицей маргарина; котлеты с перловкой. На записку наливали теплый компот или чай бурого цвета с вываренной заваркой. Бывало и густое варенье, и карамельки с прилипшей бумажкой: это жертвовала соседняя церковь, иногда помогавшая почти новой одеждой. За это раз в неделю они выслушивали в спортзале беседу, которую вел отец Геннадий; после беседы шли в столовую и молча пили чай.

Сегодня были макароны по-флотски: теплый и родной запах фарша и подгоревшего лука Петров учуял еще в коридоре и заторопился. Холод в ногах прошел, в теле была горячая, сухая усталость.

Петров плюхнулся рядом с Татаринцом, как звали Дорошенко. Звали его иногда и Хохлом; оба прозвища Дорошенко воспринимал равнодушно. С другого бока быстро доедал свою кашу Митяев, он же — Митяй, или Два-члена. Прозвище это Митяй получил за свою стыдливость: в первый свой банный день отказался снять трусы. «У тебя что там, два члена?», — поинтересовался Батя Виталий, проверяя внешний вид. Митяй, пригнувшись, трусы снял, никаких аномалий под ними не обнаружилось, но кликуха пристала, как стикер: не отскребешь...

— У Серого «ночные ангелы» айфон забрали, — сообщил Петров, приступая к каше.

— Врешь, — откликнулся Митяй.

Дежурные разносили макароны. Петров почти управился со своей кашей и задумался.

— Батю, кажись, точно того... уволят.

— Не, — снова поморщился Митяй.

Митяй верил всему, что попадало ему в уши, но сперва выражал сомнение. Ему казалось, что тех, кто ничему не верит, больше уважают.

— Прошлый раз Саныча уволили, — сказал Петров как бы самому себе. — Позапрошлый раз — Петьку-завхоза... Если этот их корреспондент...

— А мне ночью... — Дорошенко поправил очки, — ...а мне приснилось, что меня убивают.

Митяй снова скроил недоверчивую физиономию. Петров проглотил кашу.

— Иди, холодной умойся. И в медпункт зайди.

Подошел дежурный и стал собирать тарелки, чтобы разложить в них макароны.

— Скажи, чтоб пополнее, — пошутил Петров.

— Лопнешь, — ответил дежурный, как и было принято отвечать в таких случаях.

— Сам лопнешь... Жрете по две порции!

— И ты жрешь, когда на дежурстве.

Это было правдой и оттого еще обидней.

Петров выхватил тарелку обратно и со стуком поставил перед собой:

— Подавитесь своими макаронами... вообще не буду.

Дежурный дернул плечом и отправился дальше, мысленно приплюсовав к двум своим порциям еще одну.

— Петров!

В дверях стоял Батя Виталий.

— Опять бакланишь?

Петров напряженно глядел в тарелку, чувствуя, что придется опять отжиматься, а может, и хуже.

— От макарон отказался, — неохотно донес дежурный.

Остальные коротко хохотнули и замолкли, вернувшись к своим тарелками и поглядывая на Батю.

— Зайдешь после завтрака в воспитательскую, — Батя, чуть ссутулясь, вышел.

Петров продолжал сидеть неподвижно, только уши стали малиновыми.

— Опять кактусы отнимут? — предположил шепотом Митяй.

Прогорлавив обычное: «Спасибо нашим поварам, за то, что вкусно варят нам!», контингент повставал и повалил к выходу.

Ключ, который Батя Виталий достал за несколько шагов до двери, не понадобился, воспитательская была открыта. Шумел чайник, возле него переодевался Денисыч, в трусах и пиджаке; на стуле висели серые брюки.

— Хоть бы закрылись, — сказал Батя Виталий, кивнув на «здрасте».

Они были на «вы».

Денисыч из-за шума чайника не расслышал, взял брюки и стал неторопливо погружаться в них. Застегнул ремень и подобрал с пола снятые джинсы:

— Про корреспондента слышали?

Батя Виталий, успевший устроиться в ободранном кресле, кивнул.

Денисыч достал три чайных пакетика и ощупывал их, точно между ними могла быть разница.

— Вам сделать? — поглядел на Батю.

— Я вот думаю... куда мы прикатимся? Со всем вот этим... Да, сделайте.

Денисыч снова ощупал несколько пакетиков и налил в свободную кружку кипятка.

— Контингент все тупее, — Батя Виталий вдавил затылок в обивку кресла. — Ни читать, ни писать... Первые хоть знали, кто такой Пушкин.

— Пряники будете?

Пряник оказался твердым, Батя размачивал его и скусывал сладковатую кашу.

— ...А если спросят, почему босиком ходят, — говорил Денисыч, — то ведь так лучше энергетика земли проходит...

Года четыре назад Денисыч устроился сюда психологом. Выглядел он тогда лучше и увлекался психоанализом; имя Фрейда не сходило с его тонких и маленьких

губ. Потом было увлечение восточной мудростью. Теперь в сумке Денисыча виднелись «Велесовы книги».

— Земля — она все своей энергией оплодотворяет... — говорил Денисыч, доедая пряник.

Батя поднял голову и прислушался.

Денисыч тоже замер, с раздутыми от пряника щеками и недосказанной мыслью.

«Нет! Не-е-ет!...»

Батя рванул с кресла в коридор. Денисыч трусцой побежал в медпункт.

В конце коридора клубилась толпа.

— Не-е-е... — визжало откуда-то из середины. Батя расталкивал побелевших пацанов.

Дорошенко бился на полу в каше вышедшего из него завтрака.

— По комнатам... — зашипел Батя. Кричать в таких случаях было нельзя, у кого-то еще могло начаться...

Дорошенко поджимал ноги, пытаясь принять позу зародыша. Под рубашкой, измазанной макаронами, краснели порезы.

Батя присел и стал вытягивать Дорошенко ноги, одну, потом другую. Пацаны пятились, но не расходились. Раздался топот, Денисыч тащил заспанного медбрата Колю, тот на ходу распаковывал одноразовый шприц, из последних запасов.

— Идите... Идите, ребятки, — разгонял пацанов Денисыч. Те отходили, но недалеко; едва Денисыч отпускал их, застывали, повернув головы в сторону Дорошенко.

Медбрат Коля распилил ампулу, поймал плясавшую руку и прижал к полу. Порезы углублялись; Коля мямл пухлую дорошенковскую руку и искал вену.

Со второй попытки нашел. Батя к тому времени разогнул Дорошенко ноги. Дорошенко, дернувшись, замолк. Порезы, или как их правильно называть, стигмы побледнели. Дорошенко засопел и, не открывая глаз, позвал:

— Мама...

Батя поглядел на Денисыча: это была обязанность психолога. Денисыч опустился на пол, чуть брезгливо приподнял запачканную голову Дорошенко и поместил себе на колени. Затем, как и требовалось, погладил два раза по коротко стриженным волосам:

— Я здесь... Я с тобой. Я тебя люблю.

Он припарковался у стены, темноватой от пролившегося под утро дождя.

Ладони, несмотря на включенный обогрев, не хотели согреваться.

Взяв нужное, вышел из машины; за спиной хрюкнула сигнализация.

— Некрасов Юрий Сергеевич... — Охранник вернул журналистское удостоверение и поглядел на гостя. — А письмо есть?

Журналист снова запустил руку в сумку. Увидев листок с печатью, охранник кивнул:

— Проходите. Предупреждали нас, — снял с гвоздя синюю куртку. — Пойдите снаружи, сейчас провожу.

Двор «воспитательного объекта» оказался большим и запущенным. У забора, вплотную друг к другу, росли две липы; из-под асфальтовой дорожки лезла молодая елка. Здание было двухэтажным, красного кирпича, и еще для чего-то крашенное темно-бордовым до уровня второго этажа.

Журналист, достав айфон, навел.

— Нельзя, уберите, — вышел из двери охранник.

— Почему?

Кругом было тихо, и все, несмотря на солнечный день, отливало серым. Откуда-то доносился ритмичный ржавый скрип. Крык-крык...

— А как я без снимков репортаж сделаю? — спросил журналист, скорее чтобы поддержать беседу.

Крык-крык...

Охранник свернул за угол; журналист поотстал и воровато сделал пару снимков.

Завернув, обнаружил источник скрипа: на качелях качался мальчик лет десяти. Хотя, нет, лицо было взрослым. С качелей на интерес журналиста никак не отреагировали. Мальчик-взрослый продолжал раскачиваться, выставив голые пятки.

Перед входом в корпус торчала клумба, с георгинами, бархатцами и еще чем-то обычным в таких местах. Из-за густо пробивавшегося сорняка вид у клумбы был слегка запущенный, лохматый.

— Клумбу фотографируйте, — предложил охранник. — Природу можно.

— А царя природы? — попытался пошутить журналист.

С порога, щурясь от солнца, спускался Батя Виталий. Охранник изобразил что-то вроде отдавания чести:

— Гостя привел.

— Юрий Некрасов, — протянул руку журналист, — корреспондент городской га...

— В курсе, — сощурился Батя, сморгнув слезу. — Виталий. — Помолчав, добавил: — Ильич. Старший воспитатель.

Журналист собрался сказать обычное «очень приятно», но не стал; сделал несколько шагов по ступенькам.

— Виталь-лич, я пошел? — топтался внизу охранник.

— Орлова не забудь покормить... Помрет он на этих твоих качелях.

— Да не помрет. Хорошо ему.

— Все равно, сказал — покорми... Идемте, — Батя обернулся к журналисту, пропуская его вперед.

До занятий оставалось минут двадцать, Петров сидел в комнате один; Дорошенко оттащили в медпункт, другой сосед, Корец, ушел в свой музыкальный класс.

Петров придвинул стул к окну и сидел, обдумывая сегодняшнее утро.

Перед этим пришлось подтирать после Дорошенко. Когда пацаны снова выползли из комнат, Батя, выждав, спросил: «И кто этот компот подтирать будет?» Петров молча отправился под лестницу за шваброй. Зато кактусы, как в прошлый раз, не отнимут.

Кактусы, два горшка, стояли перед ним, и он, задумавшись, теребил их. Разлапистый, с густыми белыми иголочками, звался Машей. А стоявший рядом, толстый и ребристый, был Валентином. Иглы у него были как пики: с таким лучше не ссориться. Петров, в общем, и не ссорился; наоборот, каждый день поливал их с Машкой, приговаривая что-то вроде: «Жрите, жрите, ребята... Вкусно?». И сам отвечал кактусовым голосом, что вкусно.

Сегодня Петров решил, что кактусам пора наконец признаться друг другу в любви. Он сдвинул горшки, не вплотную, а так, чтобы им было удобно общаться.

— Валентин, это ты? — сказала кактус Маша. — Я испугалась.

— Чего ты испугалась? — баском отвечал Валентин. — Я же твой защитник. Я буду тебя всегда защищать.

— А от кого?

— От людей. И от посторонних кактусов, — не очень уверенно сказал Валентин.

— Но ведь тут других кактусов нету... Только мы с тобой.

— Но они могут вторгнуться. Из внешнего мира.

Петров улыбнулся находчивости Валентина и похлопал по горшку: соображаешь!

— Они перелезут через забор на своих супер-перелазательных устройствах и попытаются нас убить и захватить нашу цивилизацию. Но им это не удастся. Ха-ха-ха.

— Какой ты смелый... — сказала Маша, подвигаясь вперевалочку поближе к Валентину.

Их иглы соприкоснулись. Петров вздохнул.

— Я не такой уж смелый, — смутился Валентин. — Я... я просто тебя люблю.

Петров покраснел и затеребил прыщ на подбородке. Кактусы целовались.

Чтобы Валентину было сподручнее, Петров слегка наклонил горшок, но не сильно, чтобы большой Валентин не раздавил хрупкую Машу.

— Как хорошо... — сказала Маша. — Я не знала, что это так хорошо.

— Мы поженимся, — все в том же наклоненном и взволнованном состоянии говорил Валентин. — Поженимся, и у нас будут дети... Ой!

Петров быстро выпрямил кактус, а сам подался к окну.

По двору в своей пятнистой куртке шагал Кузьма, бывший прежде воспитателем, а потом ушедший в охранники. За ним шел чужой. На чужом были желтоватая куртка и легкие ботинки. Журналист, догадался Петров, вспотев.

Кактусы, брошенные в самый ответственный момент, растерянно молчали. На иголочках Маши поблескивала слеза.

— На сегодня любви хватит, — Петров раздвигал горшки. — Будут у вас еще дети...

Валентин, отодвинутый на другой конец подоконника, подавленно молчал.

Журналист расположился в воспитательской. От чая отказался, раскрыл ноутбук. Он бы выпил кофе, но кофе не было.

Здесь, кажется, вообще ничего не было.

— А вайфай?.. Понятно. Каменный век.

— Раньше все было, — Денисич снова ощупывал пакетики с чаем, — и вайфай, и общественный сахар. Сейчас временные трудности.

— Безвременные, — Батя откинулся и с хрустом вытянул ноги.

— Но, наверное, что-то можно было сделать... — Журналист двигал пальцем, на экране открывались окна.

Он уже успел обойти здание и побывать на двух занятиях. Первым было чтение: Батя Виталий (журналист уже знал, что его зовут так) сидел за столом и записывал что-то; ученики читали книгу, которую передавали с парты на парту. Что это за книга, догадаться по чтению было невозможно; по внешнему виду тоже: обложка и первые пять страниц оказались выдранными. «Там было то, что им не следует знать», — тихо объяснил Батя Виталий. На втором занятии увлеченно лепили каких-то червяков. «Эмбрионы», — еще тише сказал Батя Виталий. «Можно сфотографировать?» — спросил журналист. Батя помотал головой.

На экране ноутбука всплыло окно: пляж, плавки, купальники. Парочка обнимающихся на первом плане, море и горы на втором. На девушке были темные очки.

Журналист быстро закрыл; кажется, никто не успел заметить...

— Наверное, можно что-то было сделать, — вернулся к своей мысли. — Я и в детдомах бывал, там — тоже, конечно... но не так.

— Здесь раньше еще лучше было, чем в детдомах, — продолжая заниматься чаем, откликнулся Денисич. — Тут знаете какое снабжение было... Четырехразовое питание. Кандидаты наук работали.

При слове «кандидаты» Батя усмехнулся и запустил руку за голову.

— А потом Институт расформировали, и всё... А мы не к социалке, а до сих пор к науке относимся. У них даже паспортов нет.

Все это журналист знал, но слушал внимательно.

В дверь постучали и дернули ее на себя. Кто-то втолкнул крупного парня с перевязанной головой. Парень взмахнул руками и замер посреди воспитательской.

— Знакомьтесь. Дорошенко, герой дня... — Батя приподнялся. — Садись. Нет, на тот стул. Истратили сегодня на него дефицитную вакцину, которых вообще осталось...

Дорошенко сел и стал искоса разглядывать журналиста.

— Ну, Расскажи, куда ты девал свои таблетки... А дело в том, — Батя повернулся

к журналисту, — что для профилактики приступов им дают... дорогостоящее импортное лекарство. Покупаемое, между прочим, на валюту.

Дорошенко вздохнул и поскреб поясницу.

— Вот тут говорилось, — продолжал Батя, — что нам средств мало выделяют... А то, что на эту богадельню тратится в пять раз больше, чем на любой образцово-показательный детдом, об этом иногда забывают...

— Ну, не в пять, — обиделся Денисыч. — В три. От силы — в четыре...

— Вы знаете, сколько стоят медикаменты? — Батя продолжал смотреть на журналиста.

— Сколько? Просто, когда я узнавал, мне сказали, эта закрытая информация...

Батя промолчал. Дорошенко наклонил голову и сдавленно чихнул. Поглядел на Батю:

— Можно идти?

— Потом пойдешь. А вначале расскажешь, для чего ты отдал свою таблетку Сергееву.

— Так я же уже говорил. Серый мне айфон давал, пока не застучали.

— Айфоны у нас запрещены, — пояснил Денисыч. — Тлетворно влияют на психику. Приступы учащаются. Это я вам как психолог говорю. И как патриот.

— Ты понял, какому риску ты подвергал себя и своего товарища?

— Понял, — ответил Дорошенко. — Понял, — повторил чуть громче.

— «Мультки» от передоза начинаются... — Денисыч вдруг тихо засмеялся.

— Да, некоторые уже пробовали... на себе, — поглядел на него Батя.

— Не-не-не, только читал. И по рассказам.

— Зато Серый другую цивилизацию видел, — тихо сказал Дорошенко. — Все четко.

— Галлюцинации, — вздохнул Батя. — Ладно, иди. Завтра с директором решим, что с тобой делать.

Дорошенко хлопнул глазами. С криком «спасибо!» бросился к двери.

— Что «спасибо»? — Батя остановил его взглядом. — Может, еще и не «спасибо» будет... Иди.

Дверь хлопнулась.

— А мне можно будет встретиться с директором? — спросил журналист.

Денисыч снова быстро рассмеялся, так же быстро остыл и зашуршал бумагами. Батя постукивал ребром ладони по столу.

— Директор сбежал полгода назад, — сказал Батя и стукнул чуть сильнее.

— Как «сбежал»?

— С телевизором, — вздохнул Денисыч.

— Это еще требуется доказать, — Батя снова стукнул, чашка Денисыча звякнула. — Да, телевизор исчез в тот же день. Но это еще не значит... К тому же, неработающий. Следствие пока не закончено. Скорее всего, и не начато. Но контингент об этом не знает. Для контингента директор в командировке.

— Научной, — поднял указательный палец Денисыч.

— Жалобы ему пишут... На нас. Не хотите, кстати, нашим директором стать? Посодействуем.

Денисыч снова собрался рассмеяться, но, заглянув в лицо Бати, не стал. Журналист тоже ответил серьезно: спасибо, но...

— Спасибо? Вот так: все приходят, ах, ох, как тут бедно, как тут плохо... Не хотите директором — просто поработайте. Волонтером, дня два. Тоже нет? Поняли бы многое, на своей... коже.

Денисыч приподнялся:

— Ладно, мне на музыкальное...

— Я бы хотел переговорить с глазу на глаз с парой воспитанников, — сказал журналист.

Денисыч глянул на Батю; тот кивнул.

— С этим... — заметил эту игру взглядов журналист, — который только что был...

— Дорошенко. Еще?

— С тем, который вместо эмбриона кактус вылепил...

— Петров. Всё?

— Позовете?

— А что звать? Дорошенко наверняка за дверью трется. Жаловаться собирается. Ну и эти, свои... Не удивляйтесь, если что. В конце коридора свободная комната, можете там с ним... — Батя приоткрыл толчком фрамугу и закурил.

Дорошенко торчал недалеко, у подоконника.

Дождавшись, когда журналист закроет дверь, быстро подошел к нему.

— Извините, можно с вами поговорить?

Журналист собрался сказать про комнату; Дорошенко его опередил:

— Вот там с нами обычно разговаривают... — Мотнул забинтованной головой в конец коридора. И зашагал чуть подпрыгивающей походкой.

Журналист пошел следом, прикидывая, может ли там быть прослушка...

Комната была пустая, не считая двух стульев; на стене висела странная картина. Мадонна с Младенцем, но у Мадонны было почему-то лицо Монны Лизы...

— Раньше прослушивали, теперь — нет, — Дорошенко шлепнул по обивке стула, поднялся фейерверк пылинок.

Журналист удивленно дернул плечом. Видно, напряжение сказывается; начинает думать вслух... Пристроился на краешек стула и раскрыл ноут.

— Хотите, я ваш тоже выбью? Нет? Короче, не так все было. Мне Серый просто так айфон давал, пока «ангелы» не налетели. А таблетку я сам не хотел пить. Сказать почему?

Журналист кивнул.

— Из-за вас. Ну, я уже знал, что вы придете. А таблетка подавляет, понимаете? А надо было, чтобы вы поверили. А после таблетки я так не могу... Я, конечно, не думал, что приступ будет, думал, пронесет...

— Во что я должен поверить?

— Ну, вы же про нас изучали... Статью пишете. Изучали, я знаю. Я умею мысли читать. Не верите?

— Верю...

— После таблетки тоже могу, только плохо. А Серый видит, я не принимаю... Ну, жалко мне, что ли? Он мне айфон всегда давал.

— Вы мне только это хотели рассказать?

Дорошенко улыбнулся и снова почесал ногу.

— Прикольно, когда на «вы» называют.

Журналист тоже улыбнулся. На экране был список заготовленных вопросов, он разглядывал их, соображая, с какого начать.

— Заберите меня отсюда... — Дорошенко сидел бледный и потный, в очках, и глядел на него в упор. — Вы же все равно собирались одного из нас забрать, так? Возьмите меня.

Журналист выдохнул, снял ноут с колен и опустил на пол.

— Вы же видите, я мысли читаю, это вам может пригодиться. Меня раньше здесь знаете как наблюдали? Других тоже... но не так. Меня даже цыганская община хотела выкупить, — Дорошенко заерзал на стуле.

— Как тебя зовут?

— Дорошенко...

— Имя.

— Хохол. Можно — Татарин. «Хохол» мне больше нравится. «Татарин» — ругательно будто.

— А нормальное имя?

— Типа «Миша, Петя»?.. Не. Отец Геннадий хотел нас тут окрестить... Сказали: не, нельзя, эксперимент будет не чистым. Это когда наблюдение еще шло. А сейчас уже сам не хочет. Раньше у него из головы золотистый пар поднимался. А сейчас почти только такой... синеватый. Страх, значит. Усталость.

— А у меня какой?

Дорошенко склонил голову набок, прищурил правый глаз.

— Не обидитесь, что не скажу? Ну, не сейчас... Ну, заберете? Я уже вещи сложил.

Журналист молчал.

Дорошенко поднялся и отряхнул сзади брюки. Показал на картину:

— Класс, да? Это один тут рисовал, цветными карандашами.

Журналист прищурился. Да, цветные карандаши...

— У него кликуха была «Художник». Потом умер... Все картины увезли, а эту Батя спрятал. Я, вообще-то... может быть, скоро тоже умру.

Журналист прикрыл глаза.

— Так что больших неудобств не доставлю, — гремел голос Дорошенко. — Осталась где-то неделя, две. Просто посмотрю, как там, у вас. У вас же одна свободная комната есть, в которой раньше жила эта ваша, как там...

Журналист открыл глаза. Дорошенко сидел и расчесывал руку.

— Это аллергия, после укола... Знаете, у нас тут некоторые хотят туда, чтобы родителей найти. Чтобы убить их, реально. Или простить, тоже точка зрения. А мне наплевать, хотя я даже имена знаю, — Дорошенко перестал расчесывать и скривил губы. — Другие... — быстро застегивал рукав, — ...хотя с девушкой познакомиться, хотя нам это тоже нельзя. Эксперименты были, слышали? Девушек сюда привозили. Двое наших прямо на первом свиданье того... от любви. Приступ, пацанов полуживыми с девчонок сняли. А мне на эту вашу любовь — тоже наплевать... Я хочу просто...

За стенами зазвенел звонок.

— Ладно, мне на музыкальное... — Дорошенко стоял у двери. — Если нет... Тогда, можно попросить? Айфончик, самый дешевый. Через Кузьму, охранника, передадите, только верхняк ему немного дайте, он иногда посылочки передает. А тапочки и обувь вообще не надо, все равно не разрешат. Батя любит, чтобы у всех одинаково все было, включая ноги.

Журналист постоял и вышел следом за Дорошенко. Где-то стучало расстроенное пианино. Журналист вернулся в комнату, поднял забытый ноутбук и пошел по коридору.

Музыкальный класс был на том же этаже. На стенах висели портреты, под ними на стульях, ящиках и стопках газет устроился контингент. За пианино сидел Денисыч и наигрывал одним пальцем знакомую мелодию; пацаны подтягивали. Заметив журналиста, Денисыч смутился и убрал руку за спину.

— Бетховен, Людвиг ван. «Ода к радости». Из числа рекомендованных произведений... Что сидим? Все встали!

Контингент, гремя стульями и ящиками, поднялся. Дорошенко стоял возле коробки от бананов.

— А что в этот список еще входит? — Журналист поискал глазами Петрова. Тот стоял, прислонясь к подоконнику.

— Классика, — отвечал Денисыч. — Русские напевы. Золотые коллекции.

Журналист поблагодарил и собрался уходить.

— Подождите... Петров, сними портрет Модеста Петровича Мусоргского и преподнеси его нашему гостю.

— А почему я? — отозвался Петров. — Пусть Два-члена снимает, он выше.

Пацаны зашумели. Денисыч несколько раз ударил по клавишам.

— Петров, тебе не хватило сегодняшнего?

— Зачем, не нужно... — говорил журналист, слегка наклонясь к Денисычу.

— Вы не понимаете... Великий русский композитор, автор «Бориса Годунова»...

Петров, другой стул возьми, этот поломанный!

— А кто из них — этот... ну... Му... — Петров застыл со стулом.

— Ну вот, он даже не помнит! Автора «Бориса Годунова», члена «Могучей кучки»... — развел руками Денисыч. — Этот!

Ткнул пальцем в Чайковского.

Журналист стал разглядывать пианино.

Петров встал на стул, до портрета было еще далеко.

— Может, я его шваброй собью?

— Я тебе собью!.. Митяев!

Митяй, попрыгав на стуле, ухватился за портрет и вместе с ним полетел на пол.

— Не сильно?.. — Денисыч забрал у поднимавшегося Митяя портрет, подышал на стекло и протер краешком портьеры. Сыграл одним пальцем туш. Контингент похлопал: кроме Митяя, потиравшего ушибленный бок.

Журналист повертел портрет в руках и решил забыть его перед уходом в воспитательской. Быстро поблагодарил и повернулся к двери.

— А теперь — наш музыкальный подарок... Цой!

К инструменту вышел смуглый паренек, казавшийся младше остальных, и легко поклонился. Контингент замолк, Денисыч пересел с крутящегося стула на обычный и закинул ногу на ногу.

Начал паренек тихо, пальцы двигались уверенно; мелодия, которую журналист когда-то слышал... Конечно, вспомнил. Франк, органная прелюдия си-минор. Подался вперед, вдавившись грудью в ребро инструмента.

Крым, середина двухтысячных; Новый Свет, куда они с Никой добрались из Судака, облазив старую крепость. Попробовали море, Ника была в темных очках. Потом шли по тропе... Внизу, под скалой, качалось темно-синим стеклом море; низкие ветви крымской сосны, через заросли которой они с Никой шли, касались головы и осыпались сухими иглами... Ника шла молча, с наушниками в ушах; он держал ее за руку. «Вот, послушай...» — Она остановилась, отлепила один наушник. Он придвинулся к ней и вложил в свое ухо теплый кусочек пластмассы с пористой подушечкой... Где-то далеко зашелестели аплодисменты, сливаясь с шумом воды; еще дальше, за кромкой моря, загудел орган. И они пошли дальше, как сиамиские близнецы, связанные тонкой пуповиной музыки, перед которой вдруг отступили и море, и поросшие хвоей скалы, и катера внизу, оставлявшие в синем стекле длинные белые порезы... Орган, казавшийся ему прежде холодноватым инструментом, звучал тепло; впрочем, все в то крымское лето было теплым: волны, швырявшие галькой; и вино, которое они пытались остудить; и пыльные спальни, в которые забирались на ночь...

Пальцы остановились, звук медленно гас.

Паренек так же легко поклонился; контингент захлопал. Хлопки заглушил звонок.

Последние пацаны выходили из класса; журналист заметил смуглое лицо Цоя.

— Ты где-то учился музыке?

— Н-нет... П-прихожу сюда иногда поиграть.

— А как выучил эту прелюдию?

— Н-ночью приснилась. Утром, вот, подобрал... Я пойду?
В дверь заглянул Денисыч.
— А мы вас потеряли... Идемте, отобедаете с нами.
— Да нет, спасибо. Не проголодался еще. Лучше посижу где-нибудь, попишу.
— Я вам тогда воспитательскую открою. Там кресло есть, и чайник, если что.
— А после обеда хотел бы с Петровым...
— Торопитесь?
— Работа такая.
— Понятно. В вечной погоне... В вечной погоне, говорю, за сенсациями... — Денисыч отвел гостя в учительскую, включил ему свет и отправился в столовую, продолжая поднимать брови и посмеиваться.

Журналист открыл ноут и подул на пальцы, пытаясь согреть.

Приказ о его увольнении был подписан вчера.

Главный даже не вызывал его к себе. Позвонила Валерия, вечером. Причины? «Ничего не знаю, решение Главного...» Главный в этой передрыге был не главным, даже не второстепенным... «Завтра постараюсь разузнать, перезвоню...», — шумела Валерия из айфона, поставленного на громкость: он как раз ехал к себе и чуть не проскочил на красный. «Завтра» — значит «сегодня». Ничего она, конечно, не будет узнавать...

Встал, погасил едкий люминесцентный свет, сейчас особенно раздражавший его.

Знал он, что его за все это не погладят по головке? Знал. Решил поиграть в девяностые. Хорошо, если увольнением все ограничится.

С другой стороны, была ведь договоренность. Он забирает, статья не выходит. Он остается в газете, даже, может, с повышением.

Журналист поставил портрет Чайковского, прислонив его к стопке бумаг. Что скажете, Пётр Ильич?

Композитор отбликивал и молчал.

А может, Пётр Ильич, увольнение — просто «черная метка»? Чтобы аккуратно себя сегодня вел, не дурил, не лез во все дырки... Исполнил танец маленьких лебедей и без шума удалился, занавес. Иначе придется танцевать умирающего лебедя... Помню, это не вы, это Сен-Санс. Простите, к слову пришлось...

— Что это вы в потемках? — Батя щелкнул выключателем и вошел, распространяя кисловатый запах столовой.

Воспитательская осветилась.

— Глаз, что ли, не жалко... — остановился Батя у стола. — И в столовой не были. На диете?

Журналист ограничился кивком: коротких ответов у него не было, а пускаться в объяснения...

Задал подготовленный вопрос:

— Как вы думаете, что с ними будет дальше?

— А я не думаю, — Батя пожал плечами. — Что смотрите? Не умею. Все, кто думал, уже поуходили. Вон, последний мыслитель остался, — кивнул в сторону входившего Денисыча.

Денисыч поставил на стол литровую банку, слегка запотевшую изнутри,

— Все-таки взял вам второе, треску с перловкой, — водрузил сверху толстый кусок хлеба. — Русскому человеку надо хорошо питаться.

— Вот тут пресса интересуется, что будет дальше с контингентом, — сказал Батя.

— Все попадут в рай...

— Некрещеными? — уточнил журналист.

— В буддийский какой-нибудь, — Денисыч поправил хлеб, собиравшийся

упасть. — Или славянский. Веды, это, между прочем, наши славянские книги, если не в курсе.

— Хорошо, — перебил Батя, — рай — это долгосрочное... А поближе?

Денисыч поглядел на Батю: ты-то что меня интервьюируешь?

— Я почему спрашиваю... — сказал журналист. — Четыре года как Институт расформировали. Исследования признали неперспективными.

— Признали.

— Вам перестали поставлять новеньких...

— Какое-то время они еще шли, — Денисыч поглядел на Батю, но тот молчал. — Институт не сразу закрылся, у них работали еще эти...

— Инкубаторы, — кивнул журналист.

— Ага. Ну, и вот.

— Хорошо, новых уже не будет. Но с этими — что? Будут торчать здесь до самой старости?

— Не доживут, — резко откликнулся Батя. — Смертность высокая... И вообще. Поймите наконец: они не люди.

— А кто?

— Да кто угодно... Инопланетяне. Животные.

— Но животные не могут писать музыку, рисовать картины... Они же гениальны.

— Начинается... — Батя хлопнул ладонью по ноге. — Кому такая гениальность сегодня на хрен нужна? Вы же помните эту речь на закрытии Института...

Журналист кивнул: ролик до сих пор висел в Сети. «Стране не нужны отклонения, не нужны, извините, гении, — говорил в микрофон человек с короткой шеей, перехваченной серебристым галстуком. — Стране нужны нормальные эффективные граждане...»

— И это правильно, — Батя встал. — Гении были нужны раньше, в прежние эпохи. Когда надо было что-то изобретать, что-то там менять, придумывать. А сейчас нужны... пользователи. Грамотный, четкий пользователь. Который правильно нажмет кнопку. Который вовремя сделает апгрейд. А не расхуячит все, потому что он, видите ли, гений!

— А по моей теории... — начал Денисыч, но примолк. Батя обошел кресло и присел на спинку:

— ...И потом, может, в чем-то они гении, но в остальном... — поглядел на Денисыча. — Что-то хотели сказать?

Тот махнул рукой.

— Так что в остальном? — переспросил журналист.

Батя вытряхнул сигарету и закурил.

— Спросите их, кто такой Пушкин, — Батя выдохнул дым, — не скажут. Проходили... Ничего не помнят, — замолчал, выдавил слезу и растер пальцем.

— А по моей теории, — вступил Денисыч, — у нас просто эра такая сейчас. Эроса. В России так всегда, сначала эра Эроса, потом Танатоса, потом снова... Или, если по-славянски, эра Леля и эра Велеса. Сейчас, значит, Эроса. Оттого кругом столько либидо. И пользователи нужны, а не гении. А потом, может даже скоро, наступит эра Танатоса... Велеса, то есть. Придут войны, эпидемии. И тогда о нас вспомнят. Потому что их кнопки и сексорные экраны уже не помогут...

— Сенсорные, — поправил Батя.

— Да. И мы явимся тогда во всей красе, как град Китеж и золотой фонд нации...

Батя отвернулся, чтобы зевнуть не слишком заметно. В дверь постучали.

— Да! — на полузевке крикнул Батя.

В воспитательскую заглянула голова Петрова.

— А вот и ваш золотой фонд... Заправься, рубашка болтается, — Батя загасил сигарету, повернулся к журналисту. — Идите, беседуйте.

Они молчали.

Петров, зайдя в комнату, быстро подошел к окну и встал так, словно собирался отбиваться. Журналист присел на стул и открыл ноутбук, делая вид, что ищет нужное... Ничего не искал, кружил курсором по пустому экрану.

— А вы писатель?

Журналист поднял голову.

— Журналист... А что?

— Да так, история одна есть. Можно из нее рассказ сделать. Хотите? Только вместе писать будем... Я бы сам написал, просто русский язык не люблю.

Журналист подвинул холодными руками стул.

— Сядешь?

— Не. В общем, такое... Кактусы — это такие инопланетяне, которые понемногу колонизируют Землю, — помолчал. — Возражений не вызывает?

— Пока нет.

— Иголки — антенны, через которые они общаются друг с другом и со своей цивилизацией.

Журналист кивнул.

— Они проникают в доверие к землянам, — Петров прошелся по комнате. — Поселяются у них в домах, на окнах. Земляне, конечно, относятся к ним сначала с недоверием, из-за колючек. Но кактусы на это научились цвести. Имитировать цветы, в общем. Это понятно?

— В целом, — журналист открыл на экране новое окно. «Кактусы...»

— Будете записывать?.. Валяйте. Постепенно кактусы начинают навязывать землянам свою психологию. То революция, то диктатура, то капитализм, то еще какая-то хрень... «Хрень» не пишите, поставьте другое, научное слово...

Журналист снова кивнул.

— А всё, главное, через колючки. Человек укололся — пожалуйста, импульс. Но земляне-то тоже не дураки. Смотрят, что-то не то. Цивилизация их не туда катится. Сначала думали — евреи, потом — черные маги; оп! а это кактусы. Запене... ленговали их сигналы, короче. Ученым — Нобелевскую, а сами кактусы... — Петров вздохнул.

— Под корень?

— Типа того. Апокалипсис, как выражается отец Геннадий. Но не всех. Писатели подняли шум, которые в газетах...

— Журналисты...

— Ну да. И эти, которые за деревья борются. Пусть, типа, инопланетяне, но хоть немного надо сохранить, правильно? Для природы. Те кактусы, которые спасли, устроили им вроде приюта. Колючки только подбрили, чтобы могли между собой общаться, а на людей воздействовать — нет. Ну вот. А в этом приюте...

Петров замолчал.

— И что в приюте? — Журналист оторвал глаза от экрана.

— Так я прям все и рассказал! Вместо меня все опубликуете, еще под своим именем.

Журналист поднялся.

— Я готов, — голос его звучал глухо, — чтобы это все вышло под твоим именем. Только под твоим. Как тебя зовут?

— Петров.

— Это фамилия. И не настоящая.

— В смысле — не настоящая? Есть такая фамилия!

Петров снова занял позицию у окна.

— Есть, — журналист подошел к нему, положил руку на подоконник. — Только у тебя должна быть другая.

Петров опустил глаза. Журналист осторожно провел ладонью по его мятой рубашке.

— Можно, теперь я тебе расскажу историю... Только не про кактусы.

Это были, по сути, две истории.

Какую рассказать первой?.. Наверное, ту, которая началась в Крыму, она короче. Днем они лазали по горам, обгорали, тянули сладковатое вино из фляжки. А вечером сползали с гор и сидели у огня. Он придумывал на ходу разные истории: про сосны, камни. Про шишки, которые они швыряли в костер.

О беременности Ника сообщила на обратном пути, в поезде. Он задал идиотский вопрос, который задают в таких случаях все мужчины всех времен.

«Уверена», — кивнула Ника и ушла курить в тамбур.

Нет, они, в общем, собирались пожениться, когда-нибудь. В принципе, они уже жили как семья. Почти.

Он встретил ее на выходе из клиники с цветами. Шли, не зная, о чем говорить. Мимо прострекотал велосипедист, где-то завывала сирена. Он погладил ее по плечу, она отвела его ладонь.

Они продолжали жить вместе, Крым иногда возвращался, они пили кофе с ромом, сидели в ванне, болтая, как снова поедут туда. Или еще куда-нибудь.

Ника стала довольно раскрученной интернет-журналисткой. Он сидел в своей газете. В Крым они так и не съездили. Съездила Ника одна, уже когда он стал российским, на какой-то тренинг. Он не поехал.

У него появилась еще одна женщина. Временно, ничего серьезного: «серьезным» для него была Ника. Но Ника все чаще уезжала. На сетевые тусовки, журналистские шабаши, конференции с унылыми названиями, где, по ее словам, было много нужных людей. В ее забытом однажды айфоне обнаружилась россыпь эсэмэсок от какой-то «подружки Ксюши».

Они прожили вместе еще полгода. Она исчезала все надольше; к нему в отдел пришла молодая сотрудница... да, та самая Валерия, смышленная и без комплексов.

«Подружка Ксюша» оказалась невысоким плотным узбеком из местной деревообрабатывающей компании.

Ника собрала вещи, он произнес идиотскую фразу, которую произносят в таких случаях все мужчины всех времен. «Друзьями», — кивнула Ника, застегивая сумку.

Внизу в джипе дожидалась «подружка Ксюша».

Он постарался забыть о Нике, и это почти получилось.

Если вспоминал, то почему-то даже не Крым, а разогретый вагон. Лязг колес и ее короткая фраза: «Подзалетела».

Ту-ту, ту-ту... ту-ту, ту-ту...

Когда он впервые, еще в школе, услышал это слово, ему представилась девочка, качающаяся на качелях. Качели раскачиваются все сильнее, все выше, так что ветер взметает юбку и всё видно. Девочка визжит, не удержавшись, летит вверх и плюхается лягушкой в траву.

Он съездил в Японию, по программе для журналистов.

«А это что?» — он остановился возле небольшой бамбуковой рощицы. Под зелеными стволами разместились выводок маленьких идолов в красных вязаных шапочках и слюнявчиках. Рядом шелестела вертушка. «Дети воды», — ответил экскурсовод. Так называют нерожденных детей. Из-за выкидыша, но чаще тех, кому не дали родиться.

Он снова вспомнил Нику.

Здесь, около бамбуковой рощицы, заканчивается первая история. Длинные стволы гнутся и раскачиваются, крутятся разноцветная вертушка.

Петров чуть присел на подоконник, приподняв холодные пятки. Солнце пошло на закат и освещало его сзади; лицо было в тени.

Вторая история началась там же, в Японии.

— Ночью ко мне в номер позвонили...

Нет, началась она, конечно, раньше. В самом начале двухтысячных, когда весь мир узнал о достижении российских ученых. Достижении, перевернувшем представления о жизни и смерти.

А может, и еще раньше. Когда группа медиков, биохимиков и инженеров начала свои первые эксперименты. Строго засекреченные. Речь шла, ни больше, ни меньше, о воскрешении. Пока только *до* рождения.

Вскоре гипотеза, что в развитии плода существует такой короткий промежуток — его называли «точка V», от латинского Vita, — когда даже смертельно поврежденный плод можно оживить, была подтверждена. Правда, не полностью. Крысы оживали. Собаки. Оживший человеческий плод жил недолго.

Группа была оформлена в отдел, а в начале восьмидесятых — в Институт.

В девяностые Институт, как и всё, сел на мель. Но выжил: повезло с директором. Маленький, живкий, из «шестидесятников», он каким-то чудом добывал средства. И сохранил коллектив, который уже распался, как манная каша. Когда один из ключевых сотрудников заявил, что собирается уехать в Штаты, директор ответил, что заявление подпишет... Только, э-э, просит задержать отъезд, чтобы тот проводил его в последний путь... Говоря это, директор ловко вскочил на подоконник: окно было открыто, кабинет на десятом этаже... Сотрудник успел ухватить его, когда тот уже шагнул вниз. Больше с такими заявлениями к нему не приходили.

Зарплаты, как рассказывали журналисту прежние сотрудники, были нормальными, еще постоянно какие-то гранты... Эксперименты шли по намеченному графику. Инкубаторы не отключались ни на секунду.

В середине девяностых директор крестился, и еще несколько сотрудников с ним. «Первый раз академика крещу», — шутил молодой батюшка, закончивший когда-то биофак МГУ. Здание освятили, инкубаторы окропили. Перед началом каждой новой серии экспериментов служили молебны. Скептики и атеисты стояли на них с кислым видом, но не сбегали, уважая шефа. В Церкви тоже не все отнеслись к этим опытам однозначно. Но это проявилось потом. Пока епископы охотно приезжали в Институт и фотографировались на фоне инкубаторов.

И вот, в самом начале двухтысячных... Все, конечно, помнят эти снимки. Новорожденный Вася Потапов. Да, голова чуть крупновата. И вес маловат. Что вы хотите, с того света вернули. Выкидыш, все зафиксировано. Да, еще будет находиться под наблюдением. Родители? Нет, родителям возвращать не будут, мать подписала соответствующие бумаги. Вася принадлежит науке. И зовут его по-настоящему не Вася, и фамилия не Потапов...

Следующая сенсация, следующий младенец. Уже не выкидыш: аборт. Многие отказывались верить, прежде всего медики. «Невозможно...» Академики ходили именинниками; иереи напоминали о кроплении инкубаторов и отслуженных молебнах. «Чудо...» Мировая пресса кипела, об овечке Долли забыли: «Сенсационное открытие русских!», «Русские победили смерть!» Институт посетил президент, побаяюкал знаменитого младенца Васю и сфотографировался с директором.

— Тогда, в начале двухтысячных, — говорил журналист, глядя в пятнистый пол, — повеяло чем-то новым. Какой-то момент казалось, страна снова возродится, с великой наукой, литературой, всем... Это была, наверное, наша точка V. А потом...

Вася Потапов, прожив два тяжелых для себя года, умер. Тысячи людей оплакали его, к стенам Института натащили игрушки и зажженные свечи. Но многие, оживленные и выношенные в инкубаторах после него, продолжали жить. Смертность, конечно, была высока, и в инкубаторах, и после рождения. Но постепенно, с огромным трудом,

уменьшалась. С приступами, от которых многие умирали, научились как-то бороться. Кто-то уже до четырех лет дожил, до семи...

Решили построить специальный детдом, по последнему слову науки; даже начали стройку. (Журналист был там на прошлой неделе, фотографировал котлован...) А пока, временно, переоборудовали один бывший детсад. Сельская местность, чистый воздух. Воспитатели не ниже кандидатов наук.

А потом поползли трещины. Вначале мелкие, едва заметные. Снова урезали финансирование: кризис. Возникла какая-то организация, объявившая работу Института «делом Антихриста»; к Институту двинулось шествие, зажгли свечи, расписали стену проклятиями. Умер старый директор. Новый, из его учеников, был тоже видным ученым. Но выбрасываться из окна из-за ухода сотрудников он бы не стал.

Журналист запнулся, почувствовав, что начал пересказывать свою недописанную статью.

— Ну, остальное ты, наверное, уже помнишь. У вас же был тут телевизор.

Солнце садилось и жалило глаза; он слегка прикрыл лицо ладонью.

— Не, — пошевелился Петров. — Как только начиналось про нас, «ангелы» тут же переключали.

— Ангелы?

— Воспеты. Воспитатели. Это их отец Геннадий так назвал. Воспитатели, они для вас, говорит, как ангелы должны быть...

Журналист поглядел на часы. Нужно переходить к главному, иначе не успеть. Провел ладонью по стене и нащупал выключатель.

— Я приехал за тобой. У меня есть разрешение. Я приехал тебя забрать.

— Да, — Петров чуть сощурился. — Мне уже один наш сказал.

— Этот... Дорошенко?

— Ну. Он вначале решил, вы за ним явились. В туалете потом ревел... Не поеду я.

И стал очень похож на Нику.

— Ты... Как? Я понимаю... — журналист пытался вспомнить, что он собирался в этом случае говорить. — Я виноват. Да. Теперь мы будем жить вместе. Я буду о тебе заботиться.

Петров помотал головой.

— Почему?!

Петров пожал плечами.

Журналист погладил его по спине; Петров глядел, покачиваясь, в пол.

— Ну, давай, — журналист приблизил к нему лицо, — давай, быстренько собирайся...

Петров молчал.

— А Машу с Валентином? — спросил наконец.

— А кто это?

— Ну... Кактусы такие.

— Да, — журналист выдохнул с облегчением. — Конечно, возьми. И Машу, и... Там у тебя комната своя будет, можешь ее всю кактусами заставить...

Петров снова замотал головой:

— Не.

— Я тебе объясню... — Журналист помолчал. — Ты не можешь больше здесь оставаться.

Петров поднял глаза.

— Я встретил человека, — быстро заговорил журналист. — Да, там, в Японии, я начал уже рассказывать... Одного из бывших. Он сам на меня вышел, сам позвонил мне в номер. Это тайна, он рисковал, понимаешь? И списки он мне тогда дал. Всех вас.

И фамилия, имя, отчество матери. Стал просматривать — бац! — Ника. И сроки все совпадают... Хочешь, я ее разыщу?

Петров молчал.

— Поехали, — журналист взял его за плечи и легонько встряхнул. — Понимаешь, здесь скоро... Здесь тебе нельзя быть. Я потом тебе объясню. Здесь тебе оставаться нельзя.

Петров резко снял ладони журналиста с плеч и вышел из комнаты.

«...Я встретил человека. Да, там, в Японии, я начал уже рассказывать... Одного из бывших. Он сам на меня вышел...»

Журналист рывком открыл дверь воспитательской.

В кресле сидел Батя Виталий и держал айфон.

— Давно не включали... Думал, уже не работает. Работает, звук только грязноват.

«Понимаешь, здесь скоро... Здесь тебе нельзя быть. Я потом тебе объясню...»

Журналист тяжело сел на стул. Запись кончилась.

— Любопытно, — Батя спрятал айфон. — В общем, как и ожидал. Можно, кстати, поглядеть на разрешение забрать этого?..

Журналист порылся в сумке.

— Любопытно, — повторил Батя, разглядывая листок. — Это вам дали в обмен на молчание?

Журналист кивнул.

— Инъекций осталось на три приступа, — Батя склонил голову. — Таблеток — на месяц. Медикаменты, кстати, дорогушие, и в аптеках нет, не знаю, как вы там собирались... Если только не пообещали вас ими снабжать. Пообещали? Так что вам еще сообщил этот камикадзе?..

— Что планируется их усыпить... — журналист сглотнул. — Есть уже решение...

Батя Виталий подался чуть вперед:

— Об этом мы тут тоже слышали... — закашлялся. — Ну что, теперь будете писать? Все правду-матку?.. Понятно. Петров же с вами отказался... И правильно сделал.

Журналист сжал губы.

— Не выживают они в мире, — Батя чуть улыбнулся. — Одно время американцы сюда пытались, давайте, мол, усыновим. Потом, конечно, эту лавочку с усыновлением закрыли... Но двоих все-таки успели усыновить. Ну и что? Один через год отключился, второй — чисто уже как овощ, в клинике на одних капельницах... Вон, у нас даже из монастыря одного приезжали, игумен у них сердобольный... «Давайте, они у нас воспрянут». Трое ушли, одного даже в монахи успели... Не приживаются. У них одно в сознании — в мамочкину утробу обратно залезть. Это для них рай. А все, что потом, это для них ад. И нынешнее их здесь... Даже если плясать на цыпочках перед ними будем.

— Но что-то же надо делать...

— Надо. Тоже пару лет назад голову ломал. Потом решил. Ушел из... Ушел, короче, с прежней работы, устроился сюда. Полгода назад уволили, под сокращение. Ничего, снова взяли. Работать некому. Я, Денисыч, еще ночной воспитатель придет, волонтер местной церкви.

— Зарплата маленькая?

Батя хмыкнул.

— Тогда что вас держит?

Батя поднялся, захрустел пачкой сигарет.

— Сын. Тоже сын.

Журналист медленно встал:

— Дорошенко?

— Не угадали, — Батя закурил. — Цой. Пианист, помните? Да, не похож... Мать коряночка была, в музыкалке. А муж моим сослуживцем... Ладно. Уходить собираетесь?

Журналист кивнул.

— Композитора не забудьте, — Батя протянул портрет.

Журналист помотал головой. Остановился в дверях.

— А если их все-таки усыпят?

— У меня для себя тоже приготовлена ампула... Ну, — Батя пожал холодную руку журналиста. — Приятно было познакомиться. Не будете Денисыча дожидаться? Ладно, передам спасибо. Кстати, — понизил голос: — будете садиться в машину, осмотрите повнимательней. Бардачок, багажник... Ну, — снова прибавил звук, — желаю удачи.

Журналист прошел по коридору, спустился по лестнице, остановился и прислонился к стене. Постояв минуту, оттолкнулся и пошел к выходу. Снова остановился.

Где-то наверху шла возня, загремели по лестнице шаги.

— Юрий Сергеевич! — шел к нему Денисыч. — Простите!

Подошел, запыхавшись, и протянул портрет.

— Простите, перепутал. Сам не знаю как. Вот он, Мусоргский, Модест Петрович. А тот... — Махнул рукой.

На лбу воспитателя алела ссадина.

— Да, пришлось вот самому доставать... Контингент на ужине, просить некого. Может, поужинаете с нами? Нет? Каша рисовая с компотом.

Журналист поблагодарил. В другой раз.

Денисыч вызвался проводить до ворот.

Успело похолодать, что-то сверху, поблескивая, летело. Обошли темную клумбу. Все тот же, как и утром, скрип качелей. Только прибавился сухой простуженный голос, что-то бубнивший... Журналист прислушался.

«Я так уснул, что если бы не память... Я смог бы спать до Страшного Суда... Когда бы глаз моих сырую мякоть... С ресниц не морозила жилка льда...»

— Орлов, — Денисыч мотнул головой в ту сторону. — Целый день качается, вечером начинает стихи свои... Сколько раз его оттуда снимали...

«Я так уснул, но заиграли птицы... На флейтах из речного камыша...»

Они завернули за угол, слова стали неразличимы, только скрип доносился.

Журналист остановился, поглядел на корпус.

— Приходите еще, — поежился Денисыч, вышедший в одном пиджаке.

Они уже были возле будки охраны. Внутри горел свет, был виден затылок Кузьмы.

— Приду, — журналист продолжал глядеть на окна второго этажа. — Может даже, навсегда.

Последнее было сказано тихо, и Денисыч, начавший подмерзать, не расслышал. Мужчины попрощались, журналист дернул дверь; Денисыч, втянув голову, заспешил в корпус.

Ужин шел к концу, дежурные уносили пустые липкие тарелки.

Вошел Батя.

За столами притихло и сжалось.

Батя медленно обошел столы.

— Петров!

Петров поднял голову.

— Двадцать отжиманий и дежурка завтра по кухне.

— За что?

— За всё. И еще пять отжиманий за дурацкий вопрос... Дорошенко!

— Здесь! — вскочил Дорошенко.

— Пятнадцать отжиманий.

— Прямо... сейчас?

— Нет, когда срать пойдешь.

Контингент осторожно засмеялся.

— Цой!

— Да.

— Что — да? Что смеешься?

Цой заморгал.

— Тоже пятнадцать отжиманий. За неуместное чувство юмора. Поехали...

Петров, Дорошенко и Цой обреченно вышли из-за столов и опустились на пол.

— А вы все что молчите? — летел сверху голос Бати. — Считаем. Р-раз...

— Два... — откликнулся хор.

Пол то приближался, то отдалялся. Из живота кисло давила рисовая каша. Клацали об пол пуговицы, у Дорошенко свалились очки.

— Три-и...

Петров долго не мог уснуть, болели руки и не согревались пятки.

Дорошенко, повздыхав, заснул; спал с приоткрытым ртом. Кореец, как обычно, во сне напевал, к этому в комнате давно привыкли и не будили, чтобы заткнулся. Все равно уснет и будет снова петь.

Петров сел на кровати и поглядел на свои кактусы. Они так и стояли на разных концах подоконника. За окном тяжело лил дождь.

— Маша, — тихо позвал Валентин.

— Ну что?.. Я сплю.

— Маш, у меня, оказывается, отец есть. Представляешь? Настоящий, как в кино. Писатель... журналист. Собирался Батю уволить и меня забрать. То есть, нас с тобой. А я ему: мы должны это обсудить с Машей... И связаться с нашей цивилизацией. А пока не свяжемся и не получим сигнала — не-е... Не удастся вам, земляне, нас снова перехитрить, да, Маш?

Маша молчала: то ли вправду спала, то ли обдумывала.

Петров погладил горшок с Валентином; Машин не стал, чтобы не тревожить.

Забрался обратно под одеяло, согнул ноги и поджал их к животу. И какое-то время, пока не заснул, еще слышал пение Корейца и стук дождя.